

A dramatic illustration of a dragon with dark scales and large, leathery wings, flying over a rugged mountain range. The scene is set at sunset or sunrise, with a warm, golden light illuminating the sky and the dragon's wings. The dragon's head is lowered, and its eyes are glowing. The overall mood is epic and mysterious.

*Белая Птица.
Легенда о
Замке
Проекций*

Таниа Кларк

Танита Кларк

**Белая Птица. Легенда
о Замке Проекций**

«Автор»

2026

Кларк Т.

Белая Птица. Легенда о Замке Проекций / Т. Кларк — «Автор»,
2026

В те времена, когда земной мир был ещё совсем юным, над ним простиралось Бескрайнее Небо. Там, в звездном Гнезде, жила Белая Птица. Она не высиживала птенцов — её священным предназначением было ловить тихие вздохи и чаяния людей, превращая их в светящиеся сферы чистых Мыслей. Но что произойдет, когда эта хрупкая гармония между Небом и Землей окажется под угрозой?

© Кларк Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Колыбель зажженных мыслей	5
Глава 2. Тень пепельного крыла	8
Глава 3. Свинцовая стена молчания	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Танита Кларк

Белая Птица. Легенда о Замке Проекций

Глава 1. Колыбель зажженных мыслей

В те времена, когда мир снизу был ещё юным, хрупким и чувствительным к каждому невидимому прикосновению, над ним простиралось Бескрайнее Небо. То были времена, когда граница между земным и небесным мирами напоминала тончайший шелк. Там, где облака становились прозрачными, словно кружево, сплетенное из утреннего тумана, а звезды шептались друг с другом на позабытом языке первозданного света, жила Белая Птица.

Её облик соткали из чистого сияния и первых, самых нежных лучей солнца. Перья Птицы отливали перламутром, и когда она складывала крылья, казалось, будто на землю опускаются сумерки, сотканые из абсолютного покоя. Глаза её были глубокими и бездонными, как ночные лесные озера. В них, не угасая ни на миг, отражалась вся земная жизнь - со всей её великой скорбью, незащищённостью и робкой радостью.

Птица жила в Гнезде, которое покоилось на вершине невидимой хрустальной горы, плывущей сквозь облака. Это жилище было сплетено из нитей падающих звезд, серебряного ветра и тишины. Но Птица не высиживала птенцов. Её предназначение было иным, космическим и священным.

Каждую ночь, едва лишь великое солнце опускалось за край земли, уступая место густым сумеркам, и мир снизу погружался в глубокий, тревожный сон, Птица укрывала Гнездо своими могучими, теплыми крыльями. Она закрывала глаза, замирала и начинала слушать. Она обладала удивительным даром - улавливать едва заметные ментальные токи Земли. До неё долетало тихое дыхание спящих детей, тяжелые вздохи усталых пахарей, безмолвные молитвы матерей и та щемящая тоска по свету и красоте, которую люди носили в своих душах, но часто не могли выразить словами.

От этих мыслей и чаяний в груди Птицы рождалось сильное, согревающее тепло. Это была чистая любовь и сострадание. Тепло медленно перетекало из её сердца по перьям прямо в сокрытые под крылом хрупкие, полупрозрачные сферы.

Она высиживала Мысли.

Они рождались в Гнезде в форме безупречных, светящихся шаров. Внутри каждого из них, словно живой, непрерывно меняющийся узор, дышали и переливались чистые знания, великие рассказы, которые могли перевернуть ход истории, и добрые помыслы. У Птицы было особое место в её воздушном жилище, скрытое от посторонних глаз плотной пеленой вечных облаков. Это была её сокровенная галерея - просторный хрустальный чертог, вдоль стен которого тянулись ровные ряды округлых, идеально гладких углублений, выдолбленных прямо в застывшем лунном свете.

Здесь Птица бережно хранила свою коллекцию. В часы дневного затишья, когда Земля спала спокойным сном и не звала её, она любила неторопливо ходить вдоль этих ниш. Её лапы ступали по лунному камню совершенно бесшумно, а крылья были аккуратно сложены за спиной. Она заглядывала в каждое углубление, слегка наклоняла голову и часами любовалась тем, как внутри сфер пульсирует жизнь.

Каждый шар был уникален, и Птица относилась к ним с трепетной материнской нежностью. Она знала историю созревания каждой сферы. Вот в одной из ниш покоились шары, светившиеся мягким, густым золотом - в них таились лекарства от страшных земных болезней, формулы и законы природы, которые людям еще только предстояло открыть. В других углублениях мерцали сферы глубокого лазурного и бирюзового цвета - то были семена великих сти-

хов, прекрасной музыки и картин, способных исцелить разбитое человеческое сердце и выдернуть человека из бездны уныния. Были и третьи шары, горевшие ровным, ослепительно-белым светом - самые редкие и ценные. В них дремали мысли о прощении, милосердии и абсолютном мире, способные остановить любую вражду.

Когда какая-то сфера в своей нише становилась особенно горячей и начинала вибрировать, Птица понимала: время пришло, на Земле созрела душа, готовая принять этот дар. Она бережно брала шар в свои лапы, подходила к краю облачного обрыва и расправляла крылья. Воздух пел и звенел под её перьями, когда она бесшумно скользила в ночной темноте над заснувшими городами, деревнями и замками.

Она не была просто бездумным почтальоном. Она могла часами кружить над домами, заглядывая сквозь крыши и стены в самые потаенные уголки человеческих душ, выбирая тех, кому её помощь была жизненно необходима.

В одну из таких ночей она долго летела над старинным городом, пока не заметила тусклый огонек свечи в тесной мансарде под самой крышей. Там, склонившись над чистым листом пергамента, сидел усталый молодой мастер. Руки его дрожали от напряжения, лицо осунулось, а в глазах застыло черное отчаяние. Он потратил годы, пытаясь изобрести механизм, который мог бы качать воду в засушливые деревни, спасая людей от голода. Но сейчас он зашел в тупик. Логика ускользала от него, чертежи казались ошибочными, и он уже поднял руку, чтобы сжечь все свои труды в огне свечи.

Птица бесшумно зависла в воздухе прямо за его окном. Её огромные крылья удерживали её на месте, не создавая ни малейшего шума. Она ласково посмотрела на мастера, выбрала из своей лапы золотую сферу знаний и сделала едва заметное движение. Шар мягко, словно пушинка или капля теплой ночной росы, опустился на крышу мансарды и бесследно растворился, проникая сквозь дерево и воздух прямо в сознание юноши.

В то же мгновение мастер вздрогнул. Его рука со свечой замерла. Черное отчаяние в его глазах сменилось ослепительной вспышкой понимания. Сложная мозаика чертежа, которая секунду назад казалась хаосом, вдруг сложилась в идеальную, гениальную схему.

— Эврика... — прошептал он пересохшими губами, хватая перо и начиная стремительно набрасывать линии.

Он был абсолютно уверен, что эта гениальная мысль родилась в его собственной голове, что это плод его личных бессонных ночей. А Белая Птица за окном лишь тихо и радостно закурлыкала. Ей не нужна была слава. Взмахнув крыльями, она растаяла в ночном небе, возвращаясь в свое звездное Гнездо. Она знала: завтра этот человек спасет тысячи жизней, и мир снизу стал чуточку светлее и безопаснее.

В другую ночь её путь лежал над глухой, темной лесной чащей. Там, в полуразрушенной избушке, молодая мать молилась у постели своего маленького сына. Ребенок горел в беспамятстве от тяжелой лихорадки, его дыхание становилось всё слабее, а губы посинели. Женщина выплакала все слезы, её руки опускались от бессилия — все известные знахарям средства были испробованы, и надежда угасала с каждой минутой. Она прижала ребенка к себе, приготовившись к самому страшному.

Птица опустилась на ветку старого дуба прямо перед окном избушки. Из своей небесной коллекции она достала лазурно-белый шар — сферу исцеляющей интуиции и надежды. Она направила этот шар сквозь стекло. Сфера окутала комнату мягким сиянием, неосязаемым для человеческих глаз, и растворилась в груди матери.

Женщина вдруг замерла. Плач её прекратился. В её сознании, словно яркая картина, вспыхнул образ далекого болотного оврага, где росла невзрачная синяя трава, о которой никто в их деревне никогда не слышал. Внутренний голос, четкий и авторитетный, приказал ей: «Иди и возьми её». Не сомневаясь ни секунды, повинаясь этому чудесному озарению, мать бросилась

в ночной лес. Она нашла эту траву, приготовила отвар, и уже к рассвету лихорадка отступила, а щеки мальчика снова порозовели.

Птица наблюдала за этим с высоты птичьего полета. Каждая спасенная жизнь, каждое великое открытие, каждая песня, удержавшая человека от шага в бездну, наполняли её смыслом.

Это были века абсолютной гармонии, когда Птица высиживала свет, а Земля с благодарностью принимала его... Птица верила, что эта тишина вечна. Она еще не знала, что к границам её дома уже приближается первая грозовая туча...

Глава 2. Тень пепельного крыла

Долгое время Белая Птица искренне верила, что хрустальная, звенящая тишина её небесного дома нерушима, а великая, чистая радость созидания — это священный, благословенный удел, в котором царит вечный порядок. Ей казалось, что мир устроен просто и гармонично: есть верхние чертоги, где рождается свет, и есть огромный мир внизу, нуждающийся в этом свете. Но Вселенная соткана из множества потаенных путей, переплетенных дорог и невидимых течений, и ни одно привычное существование, даже самое возвышенное, не может оставаться изолированным от внешних бурь. У всего в этом мире есть свой срок, свой предел и своя точка перелома.

Однажды, на самом исходе долгого, знойного летнего дня, когда заходящее солнце окрасило пышные кучевые облака в глубокий, тревожный цвет спелого граната, привычный ход вещей нарушился. Вечерний ветер, обычно ласковый и прохладный, принес на своих прозрачных крыльях чужой, резкий и совершенно непривычный шорох. Это не было похоже на мягкий шелест облаков или рокот далекой безобидной грозы. Это был тяжелый, сухой, свистящий звук чужих, жестких перьев, рассекающих податливый воздух с упрямой и грубой силой.

Птица испуганно встрепенулась, резко обернулась и увидела, что на самый край её сияющего, полупрозрачного облачного жилища опустилась незваная гостья.

Это была крупная птица из соседнего, бесконечно далекого гнезда, сокрытого вечно угрюмых, туманных расщелинах свинцовых туч, куда никогда не проникали прямые лучи солнца. Внешне она казалась почти такой же величественной, как и хозяйка этих мест — с мощным, впечатляющим размахом крыльев, острой гордой головой, сильным изогнутым клювом и крепкими лапами, явно готовыми к многочасовым, изнурительным перелетам сквозь свирепые бури и ледяные шторма. Однако её оперение не знало мягкого утреннего света и золотистого сияния. Оно имело холодный, безжизненный пепельно-серый оттенок, напоминающий горький дым от угасающего костра, серую пыль дорог или грозовое небо, которое вот-вот разразится яростной, всеуничтожающей бурей.

Глаза гостьи, совершенно лишённые теплой озерной глубины и искрящегося дружелюбия, горели острым, колючим, холодным и каким-то жадным любопытством. В этом взгляде не было почтения или трепета перед красотой. Она смотрела не на саму Белую Птицу, а как бы сквозь неё — туда, вглубь чертогов, где за тонкой пеленой вечернего тумана едва угадывались контуры сокровенной, священной галереи.

Наша Птица, чье чистое сердце никогда доселе не знало ни страха, ни лжи, ни коварства, ни тем более предательства, радушно расправила свои белоснежные крылья навстречу соседке. В её душе, наполненной созидательной энергией, всегда жило искреннее, открытое желание делиться радостью своего ремесла с тем, кто, как ей казалось, был равен ей по происхождению, стати и силе. Ей верилось, что любое разумное существо подставит крылья тому же свету, что согревал её саму, и направит свои силы на благо общего мира.

— Посмотри, что я умею, — тихо, ласково и певуче произнесла Белая Птица. Её голос прозвучал над затихающими облаками как чистый, хрустальный звон колокольчика, разгоняющий ночные тени.

Она доверчиво повела гостью вглубь своего сияющего жилища, туда, где застывший за долгие эпохи лунный свет образовал просторные, величественные чертоги. Серая птица молча шла следом, шумно дыша. Её движения были резкими, угловатыми и тяжелыми, а цепкие черные когти с едва слышным скрежетом оставляли еле заметные темные, будто слегка выжженные следы на безупречно гладком, искрящемся камне галереи.

Когда перед ними наконец открылись бесконечные, уходящие в перспективу ряды круглых углублений, залитых мягким, ровным волшебным сиянием, серая птица резко замерла. В

её темных зрачках, словно в треснувших грязных зеркалах, отразились сотни и тысячи золотых, лазурных, изумрудных и белоснежных сфер. Она смотрела на них так пристально, не мигая, и так голодно, будто желала прямо сейчас впитать, забрать и присвоить себе весь этот чужой, непостижимый свет без остатка. В её груди родилось тяжелое, прерывистое дыхание.

— Ты сама создаешь это? — спросила наконец серая птица, и в её свистящем, хриплом вокале отчетливо скользнула тяжелая, горькая, копившаяся годами зависть. — Ты просто кормишь их своим собственным теплом, прячешь под перьями на груди, и они оживают, наполняясь этими причудливыми узорами?

— Да, — с гордостью, нежностью и радостью ответила Белая Птица, её маленькое сердце трепетало от восторга открытого доверия и нового знакомства. — Это живые мысли. Истории, чистые знания, прекрасная музыка и песни, которые делают мир снизу лучше, чище, светлее и добрее. Земля так велика, а людей на ней так много... Они часто блуждают во тьме, совершают ошибки и постоянно, мучительно ищут ответы. Мои сферы помогают им вспомнить о главном. Хочешь, я научу тебя этому искусству? Вдвоем мы сможем согреть их всех, до самого последнего человека. Нам двоим хватит и места, и небесного тепла, чтобы преумножить этот свет.

Серая птица медленно, едва заметно кивнула, низко опуская голову к каменному полу и искусно пряча лукавую, холодную и торжествующую усмешку в густой, плотной тени своих пепельных крыльев. Она поняла, что ключ к величайшей силе отдадут ей даром, без борьбы.

— Научи меня, — тихо прошептала она, стараясь, чтобы голос звучал покорно. — Я хочу уметь то же, что и ты. Я хочу обладать этой невероятной силой.

Великое, таинственное обучение началось в ту же самую ночь, под покровом крупных, ярких звезд. Наша Птица оказалась невероятно терпеливой, щедрой, чуткой и нежной учительницей. Она ничего не утаивала от своей ученицы, раскрывая самые сокровенные тайны созидания. Ночь за ночью она терпеливо показывала гостье, как правильно укрывать крыльями Гнездо, под каким углом наклонять голову, чтобы ни одна драгоценная капля тепла не ушла в ледяную пустоту космоса. Она учила её ловить тончайший серебряный ветер, дующий из межзвездных глубин, и аккуратно вплетать его прохладные, звенящие нити в саму ткань будущей мысли, чтобы сфера была крепкой, устойчивой и не разбилась при падении на землю. Она часами объясняла, как согревать зародыш шара огнем самого сердца, передавая ему лучшие, самые чистые движения души, чтобы световые узоры внутри стали живыми, округлыми, гармоничными и подвижными.

Но пепельная птица училась совершенно иначе. В её методичных, выверенных действиях не было ни капли любви, сострадания или трепета. Пока Белая Птица спала в предрассветные часы, утомленная созиданием, или улетала ненадолго к людям, чтобы понаблюдать за действием своих даров, её ученица часами неподвижно сидела у лунных ниш. Она скрупулезно, до мельчайших деталей изучала форму, плотность, вес и внутреннее молекулярное устройство сфер. Она запоминала весь этот процесс как сложный, потаенный механизм, как сухую математическую формулу, которую можно легко скопировать и воспроизвести. Она перенимала саму манеру, саму безупречную технологию мастерства, но её сердце оставалось холодным, эгоистичным и глухим, как могильный камень под проливным дождем. Ей не хотелось помогать людям, ей не было дела до их страданий — ей хотелось управлять ими, подчинять их своей непреклонной воле, проверять их слабости на прочность и упиваться своей невидимой властью.

Вскоре, полностью освоив секрет высиживания и создания сфер, серая птица беззвучно, не прощаясь, покинула хрустальный замок. Под покровом густого предрассветного тумана она сорвалась с уступа и вернулась в свое темное, сырое, свинцовое гнездо среди вечных штормов.

Но она не стала высиживать сострадание, музыку, исцеление или любовь. Её цели были иными.

В её глубоких, мрачных и холодных углублениях, выдолбленных в черных скалах, стали рождаться совсем другие сферы. Внешне они были выполнены с поразительным, пугающим мастерством — такие же идеально круглые, гладкие, глянцевые и манящие, как и у Белой Птицы. Но внутри них не было ни лазурного, ни золотого, ни изумрудного сияния. Они были налиты тяжелым, пульсирующим багровым огнем и удушливым, ядовито-зеленым туманом, который непрерывно клубился за хрустальной оболочкой.

Серая птица изо дня в день вливала в эти шары всю свою накопленную годами желчь, свои подозрения, уязвленную гордость, страхи и чертежи изощренного, смертоносного оружия. В её нишах, созревая и наливаясь мощью, ворочались и скрежетали мысли о жестоких, кровопролитных войнах, вековых ссорах, кровной мести, предательствах близких и непроязвительной, удушающей земной грусти. Она создала изнанку дара, его страшную, разрушительную сторону. Она сотворила оружие там, где должно было быть лекарство.

Свои первые, самые тяжелые багровые шары серая птица направила не простым пахарям или поэтам, а тем людям, которые уже обладали земной властью и силой, но чьи души были наиболее уязвимы для соблазнов гордыни, зависти и жажды наживы. Она прицельно выбирала генералов, амбициозных королей, суровых судей и обнищавших духом правителей.

И когда эти тяжелые, багровые сферы беззвучно, как капли ядовитого дождя, скользнули вниз сквозь тучи и коснулись разума земных владык, мир внизу испуганно вздрогнул. В головах королей зародились мысли о завоеваниях, генералы начали чертить на картах новые линии наступления, а судьи стали карать без милосердия. Земля навсегда потеряла свой прежний, мирный и безмятежный облик, погружаясь в пучину раздора, а Белая Птица на своем сияющем облаке еще даже не подозревала, какую катастрофу принесло её искреннее, безграничное доверие.

Глава 3. Свинцовая стена молчания

Багровые и ядовито-зеленые сферы серой птицы падали на Землю беззвучно, словно невидимые капли черного дождя. Но последствия их падения были оглушительными, разрушительными и страшными. Мир внизу, еще вчера такой чувствительный к красоте и созиданию, начал стремительно меняться, покрываясь трещинами злобы.

Когда первый багровый шар, начиненный концентрированной жадой власти и гордыней, коснулся разума великого короля, тот впервые посмотрел на земли своего соседа не как на дом верного друга, а как на богатую добычу. В его сердце, согретом некогда золотыми сферами Белой Птицы, поселился холодный, мертвенный расчет. Он перестал слушать советы мудрецов. Ночами, бредя в лихорадке багрового огня, король приказал разжечь кузни, день и ночь ковать тяжелые мечи и собирать огромные войска.

Ядовито-зеленые шары лжи, подозрений и зависти серая птица направляла простым людям, сея хаос в самих домах. Верные друзья, делившие последний хлеб, вдруг переставали верить друг другу, усматривая в каждом слове скрытую угрозу. Родные братья начинали смертные споры из-за клочка каменистой земли, а влюбленные видели в глазах друг друга лишь измену и предательство. Прежняя гармония рассыпалась в прах. Земля наполнилась плачем, звоном скрестившихся мечей и серым, удушливым дымом пожарищ, который поднимался до самых облаков, застилая взоры небесных существ.

Белая Птица, летая над Землей, с ужасом и содроганием всматривалась в происходящее. Она видела, как её прежние дары — великие картины, исцеляющие стихи и чудодейственные лекарства — безжалостно растаптываются копытами боевых коней. Культура и знание гибли в огне войн.

В глубоком отчаянии она бросилась к своей сокровенной хрустальной галерее. Дрожащими лапами она доставала из ниш самые сильные, самые чистые белоснежные шары Прощения, лазурные сферы Мудрости и летела к людям. Птица кружила над полями грядущих сражений, отчаянно пытаясь перехватить багровые сферы на лету, закрывая собой разум людей. Она опускала шары Мира на головы яростных полководцев, и на мгновение те замирали, опускали мечи, вглядываясь в чистое небо. Но злой умысел серой птицы был слишком изощренным и легким для принятия. Тьма расплзалась быстрее. Люди, поддавшись первичному гневу, сами охотнее открывали свой разум для яда багровых шаров. Светлые сферы Белой Птицы требовали от человека душевного труда, прощения и работы над собой, к которым истерзанное человечество уже не находило сил. Наша Птица поняла, что проигрывает эту незримую битву света и тьмы.

Небеса больше не могли молча взирать на этот хаос, грозивший полностью уничтожить земной мир.

В один из дней, когда небо над всем миром затянуло суровыми, свинцовыми тучами, раздался грохот Высшего Суда. Это не был гром и не была буря — это был голос самого незыблемого Мироздания, от которого содрогнулись даже звезды. На Птиц обрушился Великий Закон, высеченный в вечности:

«Отныне разум человека — закрытая для вас книга. Ни одна небесная сущность не имеет права касаться его мыслей, направлять его шаг, даровать ему откровения сверху или искушать его. Земля должна пройти свой путь сама, сделав свой собственный выбор между светом и тьмой».

Невидимая, но абсолютно непреодолимая свинцовая стена молчания выросла между Небом и Землей. Серая птица за свое преступление была лишена своего свинцового трона, сброшена в бездну и больше не могла вредить людям сверху. Но и для Белой Птицы это решение стало сокрушительным ударом. Стоило ей приблизиться к облачной границе с золотой или

лазурной сферой в лапах, как неведомая, колоссальная сила мягко, но непреклонно отбрасывала её назад, не позволяя опустить дар вниз.

Начались долгие, изнурительные века абсолютного одиночества.

Белая Птица часами сидела на самом краю своего Гнезда, опустив крылья. Её сияющие перья потеряли прежний яркий блеск, став матовыми и блеклыми, словно застывший зимний снег. Самым невыносимым испытанием для неё стало ходить по своей любимой галерее. Ниши по-прежнему были полны прекрасных, пульсирующих светящихся сфер, но теперь эти шары казались ей запертыми в клетке, бесполезными чудесами. Они тихо мерцали в углублениях лунного камня, согревая лишь пустые, безмолвные хрустальные стены хранилища.

Снизу, сквозь плотную пелену веков, до неё доносились приглушенные отголоски земных страданий. Люди продолжали воевать, совершать глупости, болеть и тосковать, но теперь Птица была бессильна.

В своей скорби она чувствовала огромную, сжигающую вину. Её поступок — то, что она когда-то безоглядно доверилась серой соседке, — был лишь крошечной каплей в огромном море надвигающейся космической тьмы, роковым стечением обстоятельств. Но ангельское сердце не знало полутонов: Белая Птица искренне верила, что именно она открыла миру саму форму зла, и эта выдуманная, преувеличенная вина тяжелым камнем лежала на её груди. Она не знала, что точно такую же невыносимую, общую скорбь и тоску по угасающей Земле переживали в своих опустевших гнездах и все остальные птицы-ангелы. Небо остывало для всех, и каждая из них в тишине несла эту долю вины за общую доверчивость, лишившую Землю покоя.

Века текли, как холодная, безразличная вода, но тоска Птицы не утихала. В какой-то момент, глядя на угасающий внизу мир, она поняла: просто сидеть в Гнезде и медленно умирать от жалости к себе — это самое настоящее предательство той любви, которую она веками вынашивала под своими крыльями. Если Великий Закон запрещает помогать людям с высоты небес, значит, нужно найти способ обойти его. Нужно оказаться там, где этот закон теряет свою силу. На самой Земле, разделив с человечеством его судьбу.

Она еще не знала, что в этот же самый миг, пронзенные той же невыносимой болью и точно так же созревшие для великого шага, к этой пугающей и страшной мысли одновременно приходили и все её преданные соратники в самых дальних уголках бескрайнего неба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.